

РЕЙМОНД ФИРТ

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Чем ближе подходит антрополог к изучению современной цивилизации, тем больше он должен сознавать вклад других социальных наук в изучаемые им проблемы. Кроме того, он должен более тщательно определять границы собственных исследований. Иногда полагают, что у него есть какой-то особый ключ к пониманию человеческого поведения. Если даже и так, воспользоваться им можно лишь путем более строгого применения научного метода и изучения тех аспектов предмета, которые другие дисциплины оставляют без внимания.

Когда впервые было публично объявлено об учреждении фонда Джосайи Мейсона, один из выступавших по этому поводу выразил надежду, что работы, финансируемые фондом, не будут ограничиваться изучением меланезийцев или полинезийцев. Он высказал пожелание, чтобы эта работа включала и научное изучение британских институтов — и даже еще более институтов ирландских, для объяснения которых нужен, по-видимому, особый тип исследования! Такое ироничное замечание наводит на некоторые размышления. Нынешняя ситуация Эйре, отмеченная трудным положением крестьянства, властью могущественной Церкви над общественной и частной жизнью, сильно выраженным культурным и политическим национализмом, а также амбивалентным отношением к Великобритании, имеет сложную историю. На социальную и экономическую сторону проблемы, например, наложили отпечаток события столетней давности. В истолковании идеологии нынешней ситуации нельзя оставить без внимания документальные свидетельства о картофельном голоде, системе проживания землевладельцев вне своих имений, взимании непомерно высокой арендной платы. Чтобы отчасти понять эмоциональную установку, которая столь часто проявляется без видимой причины, когда обсуждаются отношения с Англией, рассмотрим некоторые из этих старых документов.

* Продолжение. Начало см. в «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. III. Вып. 1(7). Перевод выполнен по изданию: Firth R. Elements of Social Organization. L., 1951. P. 1-40, 41-79.

Рэймонд Фирт — видный британский социальный антрополог. Автор теоретических работ, полевых исследований, в том числе экономической антропологии, с начала 60-х гг. — председатель Ассоциации социальных антропологов Содружества.

Столетие назад некоторые английские землевладельцы со всей недальновидностью и твердолобостью пытались справиться силой с уклонением ирландских арендаторов от уплаты аренды, вызванным их нищетой и невежеством. Нанятые «судебные курьеры» преследовали несчастных арендаторов за неуплату. «Бейлифы» гонялись за ними, чтобы арестовать и засадить в тюрьму. «Смотрители» следили, как бы они не выкрали ночью свое зерно и не завладели хитростью арестованным землевладельцем имуществом. «Погонщики» уводили их домашнюю птицу и скот в загоны для дальнейшего выкупа. Ответом стали акты даже еще большего насилия. Людей землевладельца терроризировали и избивали молодые парни с выкрашенными в черный цвет лицами, одетые в юбки и называвшие себя «Молли Магуайрами». Агентов, осуществлявших выселения с ферм, и жадных арендаторов, осмелившихся вселиться на место выселенных, осыпали угрозами, оскорблениями и порой даже убивали мужчины из «Союза зеленой ленты», открыто выраженной целью которого было исправление всех предполагаемых злодеяний, связанных с управлением землей¹. Такие события были локальными и временными по своей продолжительности. Но они свидетельствуют о том, что традиция реальных или вымышленных злодеяний может надолго пережить те экономические условия, которые непосредственно ее породили.

Даже из приведенного частного по характеру материала ясно, что изучение таких экономических условий, особенно в историческом плане, не является задачей одного лишь антрополога. Для объяснения генезиса современного ирландского общества понадобятся демограф, экономист, историк, социолог, политический ученый — и даже, возможно, психолог. Есть ли здесь место для социального антрополога? В задачи антропологии входит изучение текущей повседневной жизни людей, особенно в ее наиболее интимных аспектах, связанных с домом и обществом. Кое-какая работа в этом направлении уже реально сделана, притом именно в Эйре. Около десяти лет назад двое американских социальных ученых открыто применили антропологические методы для сбора и интерпретации материала об ирландской сельской жизни. Они проанализировали ирландскую крестьянскую семью и структуру сельского сообщества, выявив социальную сеть, связывающую большую часть ирландского населения. Они показали силы семейных и родственных

¹ См., например, описание этих событий: Trench W.S. Realities of Irish Life. London, 1869, passim.

уз и их значимость в сельском сотрудничестве, пусть даже и действующую ныне в меньшем масштабе. Они показали, что сыновья в крестьянской семье остаются зависимыми от отца и подчиненными ему до сравнительно позднего возраста, в силу чего социальное взросление наступает гораздо позже, чем психическое. Они показали также, что такие устойчивые и неподатливые демографические факторы, как уже почти вековая постоянная эмиграция, сокращение численности населения, поздние браки и прирост холостяцких рядов, препятствовали попыткам социальных реформ и глубоко повлияли на состояние ирландского крестьянства². Таким изучением сообщества из первых рук упомянутые антропологи внесли вклад нового типа в ирландские исследования.

Эти примеры демонстрируют не только возможности антропологических исследований, но и тесноту их связи с исследованиями в других дисциплинах, включая психологию и социологию. В чем заключается специфика социальной антропологии?

В первую очередь в интенсивном детальном характере систематического наблюдения поведения людей в групповых взаимоотношениях. Прежде всего антрополог видит собственными глазами, что действительно делают люди. Это сосредоточенное наблюдение поведения в малых группах, проводимое обычно с применением языка самой группы, я предложил назвать «микросоциологией»³. Я руководствовался при этом аналогией с микрохимией, микробиологией и микрогеографией, каждая из которых имеет дело с очень малыми выборками исследуемого материала или с единицами очень малой величины. Антрополог намеренно отбирает либо малое сообщество, либо небольшой образец большого сообщества, рассчитывая на большую точность непосредственного наблюдения. Он может выявить не только общие паттерны, но и степень отклонения от них, а также возможные причины этого. Более того, он может проверить, что ему говорят, наблюдая, что люди действительно делают. Но если отличительной чертой антрополога является микросоциологическая техника исследования, то теория его является макросоциологической. Он использует микрокосм, чтобы осветить макрокосм, использует частное для прояснения общего. Исследование малой выборки или малой группы численностью около 1000 человек становится основой для обобщений, охватывающих все сообщество, или

² См.: Arensburg C.M., Kimball S.T. Family and Community in Ireland. Cambridge, 1940; ср. также Mogy J.M. The Community in Northern Ireland. Man, 1948. P. 98.

³ Firth R. The Future of Social Anthropology. Man, 1944. P. 8.

даже увенчивается гипотезами — касающимися семьи, брака, магии или морали, — в которых ставятся вопросы, касающиеся всей человеческой культуры в целом. Принципы, на основе которых эта небольшая выборка берется как репрезентативная, очень важны. Они фактически предполагают допущение однородности в исследуемом материале или единообразий в том, что люди делают. Однако одной из слабых сторон социальной антропологии до сих пор остается то, что эти принципы и допущения крайне редко устанавливаются и анализируются.

Вторая особенность исследований социального антрополога заключается в том, что по своему внутреннему смыслу они холические. Любой частный элемент, отбираемый для исследования, всегда так или иначе рассматривается в соотношении с тем местом, которое он занимает в целостной совокупности феноменов жизни соответствующей человеческой группы. То, что Б.Малиновский называл функциональной точкой зрения, всегда лежит в основании нашего исследования и интерпретации социального материала. То, что было выдвинуто А.Уайтхедом и другими на высшем метафизическом уровне как сущность «органической философии», может, пожалуй, быть позаимствовано на низшем уровне социальным ученым. Если глубинная активность природы представляет собой систему взаимосвязанных срачивающихся процессов, из коих каждый развивает и осуществляет свое соответствующее значение, то таким же общим характером должна обладать и человеческая деятельность; она часть мирового динамического процесса.

Третья особенность — это та особая значимость, которую социальный антрополог придает сравнению. Сравнение составляет самую суть всей научной работы на простейших уровнях наблюдения и умозаключения. Но в социальной антропологии специфика сравнительного метода состоит в том, что сравнение проводится между элементами поведения в различных крупных социальных единицах с целью установления типов и выявления отклонений от них. Отбор элементов поведения и определение крупных социальных единиц базируются на абстракции. А, стало быть, на вопрос, который иногда задают: «должны ли мы сравнивать действия отдельных индивидов, институтов или целых обществ?» — мы можем ответить лишь в зависимости от той степени абстракции, которую сочтем необходимой для анализа наличной проблемы. Если идея отношений подчеркивает тотальность, то сравнительная идея подчеркивает вычленяемость. Тут важна форма как определяющий элемент, придающий выделяемой единице ее особый характер. Если

кто-нибудь возразит, что форма есть не что иное как особый порядок отношений, то на это можно ответить, что антрополог как раз и сравнивает различия реляционного порядка. Когда он сравнивает, например, формы брака, он обращает внимание на различия в порядке отношений между мужчинами и женщинами в специфических правовых обстоятельствах. А, стало быть, восприятие *порядка* является фундаментальным для наших изысканий. И под этим углом зрения интенсивность, названная первой в ряду характеристик антропологического исследования, есть постоянная проверка — посредством эмпирического сопоставления — оснований приписывания порядка изучаемому материалу.

Интенсивный характер антропологического наблюдения придает данным реальность: наша наука занимается поведением реальных людей. Реляционный характер определяет нашу цель: рассматривать социальную жизнь как процесс, обнаруживать смысл в следствиях, а не во внешних явлениях. Сравнительный характер позволяет получить обобщения, применимые к людям в самых разных социальных обстоятельствах на всем земном шаре. Социальная антропология, следовательно, претендует быть подлинной наукой о Человеке, а не просто наукой о нас самих.

Чтобы оценить надежность методов, которыми пользуется социальный антрополог, необходимо рассмотреть три проблемы: проблему наблюдения, проблему приписывания смысла и проблему выражения. Я рассмотрю их по очереди.

Каким образом социальный антрополог подходит к достижению своей первоочередной цели — правильного наблюдения? Два основных чувства, которыми он пользуется для сбора данных, — зрение и слух — принципиально важны для точной полевой работы. Историк может быть глух, юрист может быть слеп, философ может быть и глух, и слеп, но антропологу необходимо слышать, что люди говорят, и видеть, что они делают. Именно человеческое поведение, вербальное и невербальное, является «сырым материалом» для изучения. Делая на этом упор, социальный антрополог вовсе не обязательно разделяет основные допущения бихевиористской психологии. Независимо от того, подвергается ли наблюдению речь или любой другой тип телесного акта, антрополог исходит из того, что эти явления имеют свою собственную реальность, что существование их не зависит просто от того факта, что он их воспринимает. Он сознает возможность «эффекта наблюдателя», то есть того, что его замечаемое присутствие будет действо-

вать как элемент, обуславливающий поведение других. Но вместе с тем он полагает, что его органы чувств могут дать ему правильное отражение событий со степенью точности, зависящей в значительной мере от его близости к ним. Проблемы институционального понимания, эмпатии, экзистенциального мышления он оставляет в стороне. Что достойно, однако, его внимания, так это степень, в которой его чувственные восприятия могут охватить релевантное поле наблюдения, и степень, в которой фактор памяти вторгается в воспроизведение того, что он наблюдает. Проверка адекватности этих элементов в антропологии пока еще не достигла должной высоты, хотя в какой-то степени практические способы проверки применяются самим полевым исследователем, когда он осуществляет повторные наблюдения или неизбежно пытается заранее угадывать, что должно происходить в повседневной жизни людей.

В социальном поведении людей связывают физические отношения с объектами и другими людьми. Возьмем раннюю и очевидно простую стадию в развитии человека, как социального существа: маленьких детей, вовлеченных в социальную игру. Они дают вещи, берут вещи, подходят к другим или отходят от них, прикасаются к ним или воздерживаются от прикосновений, все время разговаривают — друг с другом, с самими собой (сопровождая свои действия) и с вещами, при этом интонация, выразительность и скорость их речи меняются. Этим физическим отношениям, проявляемым в последовательностях и связях такого поведения, придается некий смысл интеллектуальной и эмоциональной оценками наблюдающих родителей, которые постоянно ищут ключи к разгадке происходящего. То же происходит и с антропологом в его полевом опыте. Он приписывает цели социальным поступкам. Он выводит из них социальные отношения; иначе говоря, их цели рассматриваются как выходящие за пределы сферы влияния отдельных индивидов и оказывающие воздействие на других в сообществе. Так вот, физическое поведение есть поток, континуум. Мы говорим о повторении какого-то действия, но «повторение» — лишь удобное выражение для обозначения близкого сходства; это не тождество. Даже в самых простых социальных актах, таких, как повторяющееся предложение игрушки одним ребенком другому, между двумя актами проходит какое-то время, происходят какие-то незначительные мускульные изменения, немного меняется положение тела. Даже киноплёнка продемонстрировала бы некоторую изменчивость. Тем не менее мы считаем социальное

отношение тем же самым, когда аналогичные физические акты происходят в последующих случаях. Мы видим достаточно элементов подобия, позволяющих нам приписать тождество, абстрагировать его и обобщить в тип социального отношения.

Такой вывод с помощью абстракции и обобщения осуществляется во всем спектре наблюдаемых социальных ситуаций или предусматривается в описаниях, сделанных другими. Физические акты давания, например, входят как базовое поведение — наряду с другими действиями — в такие различные социальные отношения, как купля-продажа, дарообмен, передача благ по случаю заключения брака или похорон, выплата компенсации за причиненный ущерб, оказание уважения человеку высшего ранга, приношения богам или предкам. Способы и контексты давания и суммы даваемого обладают для наблюдаемого сообщества некоторой регулярностью, которую можно увидеть. Они варьируют лишь в некоторых пределах, которые можно более или менее точно установить. В соответствии со степенью точности определения этих пределов такие действия и такие социальные отношения становятся предсказуемыми в терминах вероятности их проявления. Если происходит событие *a*, то, вероятно, произойдут события *b* и *c*, и их величины скорее всего будут иметь некоторый данный уровень. Если в 1929 г. в Тикопии умирал мужчина данного ранга, принадлежащий к определенной родственной группе, я мог заранее предсказать, кто займет положение главных скорбящих, сколько в каждом случае будет длиться траур и какими будут число, размер и содержимое различных корзин с пищей и другими вещами, вовлекающихся в передачи между отдельными лицами и группами⁴. Вместе с тем всегда есть и некоторые возможности изменчивости. Абстрагирование от условий исходного наблюдения предполагало приближение, допускающее возможное вхождение в изучаемую ситуацию новых факторов. И при этом всегда должны приниматься во внимание следствия человеческого выбора и принятия решений.

Обычно говорят, что социальные антропологи изучают общество, сообщество, культуру. Но это не то, что они *наблюдают*. Материалом для их наблюдения является человеческая деятельность. Даже социальные отношения они не *наблюдают*; они выводят их из физических актов. Антрополог как наблюдатель — это движущаяся точка в потоке ак-

⁴ Краткое описание этих процедур я дал в книге: *Primitive Polynesian Economy*. London, 1940. P. 324–331.

тивности. В каждый данный момент времени он имеет лишь ограниченное поле социального наблюдения: людей, чьи акты он может видеть или слышать, или описание актов которых он может получить от других людей, проводивших наблюдение. Редко случается, чтобы он наблюдал малую группу (такую, например, как простая семья) во всей ее *совокупной* деятельности на протяжении сколько-нибудь продолжительного времени, скажем, одного полного дня. И еще реже, если вообще, бывает, чтобы он наблюдал *всех* членов какой-либо более крупной группы, такой, как линидж или возрастная категория, в их общем совокупном действии. Тем не менее, публикуемые им аналитические работы полны общих утверждений о том, что делают семьи, линиджи и возрастные группы, и даже об установках и интересах целых обществ. Нам говорят, что танала гораздо больше интересуется скотом, чем выращиванием риса, хотя последнее имеет для них более важное хозяйственное значение; что культуре ятмул хронически присуще состояние, в котором нечетко определены нормы; что у калинга на Лусоне, практикующих охоту за головами, в разговорах имеют вес только мнения убийцы. Обычно мы принимаем такие утверждения. В них антрополог приписывает регулярности и вкладывает цели в сознание описываемых людей. Что дает ему основание это делать? Прежде всего, степень единообразия его опыта, проявляющаяся по мере того, как он перемещается в своем поле социального наблюдения. Он применяет грубый показатель соответствия к новым элементам поведения по мере того, как вычленяет их из потока. Связывая их с предварительно учтенными целями и ранее наблюдавшимся поведением, он пытается оценить, насколько они им соответствуют. Значимая изменчивость ведет его к дальнейшему исследованию и сбору еще большего числа случаев, пока он, наконец, не установит причину этой изменчивости — или не выделит какой-то другой обособленный элемент и не свяжет его с новой совокупностью целей и обстоятельств. В этом процессе вычленения и отбора, в идентификации общих целей или выявлении разных целей очень важно оценивать, что в этой изменчивости является существенным, а что — несущественным. Давайте перейдем теперь к рассмотрению проблемы значения, или смысла.

Изучая поведение, антрополог работает посредством контекстуализации. Он полагает, что если адекватно уловит контекст, то ему удастся постичь смысл поведения. Контекст сопутствующих обстоятельств позволяет ему увидеть цель деятельности и придаваемую ей ценность

— то есть качественные характеристики того взаимоотношения, которое выводится из наблюдений. Приведем простой пример: если антрополог путешествует по нагорьям Северной Нигерии, как это несколько лет назад делал я, он может встретить мужчин из Би Рома и других проживающих там языческих племен. При его приближении они, скорее всего, будут потрясать в воздухе сжатыми кулаками. В соответствии со своими страхами или своей политикой он может истолковать это как символ ярости или солидарности среди соплеменников. Со временем он обнаружит, что это всего лишь обычное приветствие. Как достигаются условия контекстуализации и как придается правильное значение? Если у нас нет каких-либо руководящих принципов интерпретации, то это делается посредством выдвижения гипотез и методом проб и ошибок. Антрополог замечает виды деятельности и условия, соединяющиеся с тем, что ему нужно истолковать: широкую улыбку, которой нередко сопровождается потрясение кулаками, отсутствие угрожающих жестов с применением копий и топоров, которые эти люди носят с собой, регулярно повторяющееся речевой звучание — *шо*, — сопровождающее поднятие кулака, отсутствие всяких видимых поводов для агрессивного самовыражения. Свою предварительную классификацию этого как символа приветствия он проверяет, наблюдая за тем, как эти язычники встречаются друг с другом. Он может также набраться смелости и поэкспериментировать. Он может проверить свой вывод, поменявшись ролями: сжать собственный кулак и потрясти им в направлении ближайшего безобидного старика, которого он видит на своем пути. Если в ответ он видит только добросердечие и такую же реакцию, он на какое-то время этим удовлетворяется. Имеются и другие возможности — что этот знак является приветствием только между мужчинами, только между равными или между путниками; что он употребляется формально, как знак собственно встречи, а не приветствия. Проблема значения этим до конца не решается, но ее можно считать в достаточной степени освещенной, чтобы антрополог мог использовать этот знак как промежуточную ступень в своем дальнейшем анализе поведения данного народа.

Этот простой пример подчеркивает также, что для антрополога еда ли не более чем для любого другого ученого, работающего в полевых условиях, исследование означает процесс освоения и практического применения новых способов личного поведения. Глаз, наблюдающий в микроскоп, рука, держащая пробирку, — все это не для него. Он ведет свои наблюдения, окруженный другими человеческими организмами.

Большую часть времени он принимает их образцы жизнедеятельности, приветствия, питания и, может быть, даже участия в церемониальной жизни. Многие из его выводов, таким образом, проверяются по самому лучшему критерию — результатам его собственного действия в соответствии с ними. Если его научные выводы оказываются неправильными, он попадает в практические затруднения.

Другой аспект проблемы значения — это аспект релевантности. Хотя значение какого-то элемента поведения может быть установлено посредством контекстуализации, остается открытым вопрос о том, какие элементы поведения должны отбираться для рассмотрения. Невозможно охватить одним махом весь поток событий. Наблюдатель должен проводить отбор в соответствии со своим особым интересом. Он хочет уловить порядок или регулярность в некотором поле, или, иначе говоря, проверить гипотезу о наличии некоторого порядка в отношениях. Здесь возникает проблема относительной значимости, проблема выбора для изучения тех элементов, которые, если их упустить, нарушили бы искомый порядок, и отбрасывания тех элементов, которые не оказывают на этот порядок воздействия или оказывают лишь минимальное воздействие. Тут опять-таки приходится действовать методом проб и ошибок. Это можно показать на одном примере.

Однажды на Тикопии, когда я, скрестив ноги, сидел на циновке в крытом пальмовыми листьями доме вождя, мой взгляд упал на ярко-красный рисунок на могильном камне отца вождя. Затем я увидел другие рисунки на некоторых из свай, подпиравших крышу. Что они означали? Имели ли они отношение к интересовавшим меня проблемам? В то время я в основном изучал организацию производства куркумы и ее связь с религиозными верованиями и ритуалами этого народа. Рисунки, казалось, ничего не предвещали. Я про себя удивился, как этот мазок куркумовой краски мог оказаться так далеко от сцены действия, если бы кто-то специально об этом не позаботился, ведь краски сами по себе не летают. Затем я продолжил свою мысль. Они выглядели как пятна, оставленные кем-то, случайно прислонившим к дереву измазанные краской пальцы — чтобы вытереть их или просто так. Я не сразу догадался взглянуть повнимательнее на это дело, ведь хижина вождя была не только жилищем, но и храмом. Там, где пониже этих рисунков лежали надмогильные соломенные циновки его предков, находилась священная часть пола. Поскольку работы по изготовлению краски закончились и все вернулись целыми и невредимыми, эти рисунки, бывшие еще све-

жими, вероятно, не имели особого значения. Но в этом еще нужно было убедиться, пусть даже все обряды, казалось, закончились. Может быть, рисунки эти не были, в конце-то концов, совсем уж случайными? Задача антрополога состоит в том, чтобы связать, насколько можно, все результаты его изысканий, дабы объяснить каждый элемент, каждую частицу поведения, проявляющиеся в некоторой ситуации. Это сопоставление результатов его полевой работы, с тем чтобы удостовериться, что он не оставляет ни один элемент необъясненным, необходимо для того, чтобы гарантировать, что он наблюдает действительную связь услуг, установок, ценностей, структурных элементов.

В ходе исследования выяснилось, что указанные знаки вообще не были случайными. Первым делом мне сказали, что они предназначались для того, чтобы сигнализировать об окончании изготовления куркумы; это были метки значимости дома вождя, в котором совершилась эта работа. Они должны были привлекать внимание каждого, кто входил в дом; это был «знак изготовления куркумы, призванный привлечь внимание к краске, вывешенной наверху». Я указал на то, что рисунки маленькие, а емкости с приготовленной куркумовой краской достаточно велики, чтобы привлечь к себе внимание. Однако вождь и его люди проигнорировали это замечание, они настаивали на том, что эти метки возвещают об изготовлении куркумы. В конце концов я заключил, что это, должно быть, своего рода формальный знак — преимущественно прославление, а не фактическое оповещение. Позже открылась более глубокая их значимость. Они были задуманы как обозначения, предназначавшиеся не для людей, а для духов! Как религиозные символы, они были знаками выражения благодарности, выражения признательности богам и предкам за то, что куркума была успешно изготовлена. Каждая из меток как специфический символ посвящалась своему особому духу, известному по личному имени и генеалогическому положению. Их интерпретация базировалась на еще одном элементе символизма — теории видимого и материального представления невидимого и бестелесного. В этой постройке, грубо сработанной и пропитавшейся дымом, каждый могильный камень представлял предка, каждая стенная стойка и балка на священной стороне дома были посвящены духу и даже, считалось, в себе его воплощали. Процедура изготовления куркумы была выношена целым рядом духовных существ — с некоторой точки зрения, масштабным конструктом человеческой фантазии. Вместе с тем этот мир понятий нужно было как-то актуализировать, сделать конкретным,

дабы он стал действительно полезным. Его символическое представление было как простым и непритязательным, так и разнообразным. Сделанный пальцем мазок краски рассматривался в этом метафорическом языке как «украшение» бога или предка, представляемого помеченной таким образом деревянной конструкцией, в точности как подобная маркировка, используемая в разрисовывании людей к церемонии. Этот символический знак был также нацелен на то, чтобы рассказать духам о завершении изготовления куркумы; никого не волнует, что богам рассказывают о том, что они и так уже знают. Как знак благодарности, этот символ обозначает эмоциональную установку. Вместе с тем в него входит и интеллектуальный элемент расчета. Если в этот год не принести благодарность, то на следующий год нужного количества куркумы может уже и не быть. Более того, эти метки не были обособленными от всего экземплярами; они были частью ряда, рассредоточенного во времени и разных местах, и сами по себе действовали как указатели, маркирующие приближение к последующим церемониальным событиям.

Здесь, стало быть, то, что на первый взгляд казалось якобы не имевшим отношения к рассматриваемой проблеме, оказалось частью структурной схемы действий, образующих институт. Но если бы даже вдруг оказалось, что взятый феномен не символизирует отношений между предполагаемым миром духов и человеческим миром, он все-таки мог бы быть релевантным другой проблеме. Например, если бы эти метки были простой случайностью или делались ради развлечения, то это было бы показателем того, какая степень вседозволенности в поведении допускается в священном помещении.

Научное наблюдение явлений и приписывание им значения возможны лишь в соотношении с набором теоретических понятий, которые служат также для выражения результатов исследования. Антрополог постоянно опробует новые способы выражения или описания реальности в вербальных суждениях. Он понимает, что эти суждения и используемые в них понятия не представляют реальность его наблюдения непосредственно. Такие термины, как *общество*, *сообщество*, *структура*, *функция*, *организация*, представляют лишь некоторые ее характеристики, или стороны. Они указывают на такие качества, которые, по мнению наблюдателя, он может опознать и которым он дает названия, дабы можно было их далее обсуждать. Одна из его обязанностей — следить за тем, чтобы реальностью, которой соответствуют эти названия, был контекст его наблюдений, а не просто контекст самого обсужде-

ния. Ему нельзя строить свою аргументацию в воздухе. Перед ним стоит задача попытаться обеспечить максимальную степень абстракции при максимальной степени ее соответствия реальности. Степень, в какой это возможно, меняется со степенью единообразия изучаемого материала. Поэтому-то так важно постоянно оглядываться назад, на индивидуальное поведение, чтобы видеть проявляемую им степень отклонения от абстрагированной нормы. основополагающим для нашего исследования общества является понятие системы. Но это понятие может как помогать нам в восприятии социальных отношений, так и навязываться нашему восприятию.

Наиболее общие термины, применяемые в описании и анализе групповой жизни людей, — это «общество», «культура» и «сообщество». Каждый из них обычно используется для выражения идеи целостности. Будучи абстракциями, они могут дать нам лишь немногие отобранные качества изучаемого предмета, которые они, предположительно, представляют. Но тогда естественно, что в их определении, как правило, подчеркивались противопоставляемые, а не общие для них качества. Такие противопоставления, обретшие известность стараниями немецких социологов, опирались на проведение различия между ассоциациями, в большей степени целенаправленными и обслуживающими индивидуальные цели, и ассоциациями, возникающими из менее ясно определенных принципов агрегации. Это различие полезно как аналитическое средство, позволяющее классифицировать социальные отношения. Но на самом широком уровне, когда надо охватить весь спектр ассоциаций целиком, эта взаимная исключительность будет неуместной. Эти термины представляют разные грани, или компоненты, основных человеческих ситуаций.

Например, если рассматривать общество как организованный набор индивидов, имеющих некоторый данный образ жизни, то культурой будет этот образ жизни. Если брать общество как агрегат социальных отношений, то культурой будет содержание этих отношений. Термин «общество» подчеркивает человеческий компонент, агрегат людей и отношения между ними. В понятии «культура» подчеркивается компонент накопленных ресурсов как материальных, так и нематериальных, которые люди наследуют, используют, преобразуют, наращивают и передают другим. Имея содержание, пусть даже отчасти лишь идеационное, этот компонент действует как регулятор действия. В поведенческом аспекте культура представляет собой все изучаемое поведение,

которое было социально приобретено. Она включает остаточные последствия социального действия. Кроме того, она непременно является и побудительным стимулом к действию. В понятии «сообщество» подчеркивается компонент времени-пространства, или аспект совместного проживания. Оно предполагает вытекающее из опыта и наблюдения признание того, что должны существовать минимальные условия согласия по поводу общих целей, а также обязательно некоторые общие способы поведения, мышления и чувствования. Таким образом общество, культура и сообщество предполагают друг друга — хотя, когда они понимаются как основные обособленные единицы, подлежащие конкретному изучению, их границы не обязательно совпадают.

Эти границы в любом случае произвольны. Таков уж у человека процесс ассоциации, что люди постоянно преодолевают барьеры, возникающие на пути социального взаимодействия, — причем даже те, которые возвели они сами. Сексуальные и экономические отношения, заключающие в себе и употребление языка, создают такие связи, что никакое общество невозможно обвести четкой границей, если только нет строгой физической изоляции. Аборигены Австралии и белые люди, скупившие их земли, часто воспринимаются как находящиеся едва ли не на противоположных концах шкалы человеческих достижений. Тем не менее владелец скотоводческой фермы, геолог-разведчик, охотник на динго и миссионер втянули туземного собрата в европейскую экономическую орбиту, а смешение рас укрепило их социальные узы, существующие даже тогда, когда их в наименьшей степени признают. Более эмпирическим понятием социальных агрегатов должны быть не четко разграниченные общества, а поля социальных отношений.

Независимо от того, пользуемся ли мы при изучении поля социальных отношений понятиями общества, культуры или сообщества, можно провести различие между их структурой, функцией и организацией. Это поддающиеся обособлению, но связанные друг с другом аспекты. Все они необходимы для полного рассмотрения социального процесса. Коротко говоря, под структурным аспектом социальных отношений мы имеем в виду принципы, на которых держится их форма, под функциональным — способ, посредством которого они служат данным целям, а под организационным — направляющую деятельность, которая поддерживает их форму и служит их целям. Каждое из этих ключевых слов здесь нагружено важными для нашего исследования следствиями. А стало быть, полезно рассмотреть поочередно каждое понятие.

Человеку с улицы понятие социальной структуры может показаться довольно простым. И в самом деле, антропологи и другие социальные ученые, как, например, Герберт Спенсер, пользовались им на протяжении многих лет, не чувствуя при этом ни малейшей необходимости хотя бы как-то его определить. Они просто брали его как общее обозначение формы или морфологии общества и считали само собой разумеющимся, что каждый и так поймет, что они имеют в виду. Содержательные суждения заботили их больше, чем формальные. Когда сорок лет назад двое экономических историков решили исследовать результаты огораживания общих земельных угодий, они писали: «Наша задача — изучить изменения, вызванные огораживаниями в социальной структуре Англии»⁵. Они полагали, что каждый читатель поймет, что речь пойдет об изменениях в форме английского общества, особенно сельского. Соответственно, ими затрагивались такие темы, как изменения в социально-классовой системе на селе, превращение крестьянина в рабочего, изменения в его праве на получение помощи, а также в его отношениях с судами, магистратами и приходскими властями. Когда позже два других социальных аналитика предприняли, по их собственным словам, «Обследование социальной структуры Англии и Уэльса»⁶, используя большой объем статистического материала, они также не дали четкого определения того, что они имели в виду под социальной структурой. Просто говорилось, что цель книги — истолковать тогдашние социальные факты с морфологической точки зрения, построить картину положения в обществе в целом, представить связную картину некоторых наиболее важных аспектов социальной жизни в этой стране, насколько их возможно проиллюстрировать статистическими данными. Авторы исходили из того, что нужно дать классификацию и оценку размеров наиболее важных типов социальных единиц и продемонстрировать связи между ними. Начиная анализ с демографических групп, а затем рассматривались группы, определяемые брачными узами, совместным проживанием, урбанизацией, распределением промышленных мощностей, профессий, национального дохода и социального обслуживания; особое внимание уделялось также таким важным вопросам, как ширина образовательной лестницы.

⁵ Hammond J.L., Hammond B. *The Village Labourer* (впервые книга опубликована в 1911 г.). Guild edn., 1948. Vol. I. P. 19.

⁶ См.: Carr-Saunders A.M., Jones D.C. *A Survey of the Social Structure of England and Wales as Illustrated by Statistics*, Oxford, 1927. Эта книга имеет также подзаголовок «Структура английского общества».

В противовес употреблению термина «социальная структура» в этом широком смысле многие социальные антропологи и ряд социологов потратили в последние годы немало усилий на попытки достичь более точного понимания его смысла. Их споры говорят о том, что любая наука должна иметь свой фонд общих терминов, определенных не слишком строго, и что одним из них может быть понятие «структуры». Вместе с тем они привлекли внимание к важным элементам социального процесса и процесса социального исследования.

Идея структуры общества, чтобы согласовываться с общим понятием структуры, должна удовлетворять некоторым требованиям⁷. Она должна иметь отношение к упорядоченным связям частей с целым, к такому упорядочению, в котором элементы социальной жизни связаны друг с другом. Эти связи должны рассматриваться как надстраивающиеся одни над другими; они представляют последовательный ряд изменяющихся порядков сложности. Они должны иметь не просто случайную значимость; в них должен быть заключен некоторый фактор постоянства, или преемственности. Нынешнее антропологическое употребление понятия социальной структуры этим требованиям соответствует. Однако есть место и для различия во мнениях относительно того, какого рода социальные отношения, или связи, должны в первую очередь учитываться при описании социальной структуры и какой степени преемственности они должны обладать, прежде чем быть включенными в рассмотрение. Некоторые антропологи утверждали, что социальная структура — это сеть всех отношений между парами лиц, существующих в обществе. Но такое определение слишком широкое. В нем не проводится никакого различия между мимолетными и более устойчивыми элементами социальной деятельности, и становится почти невозможно отличить идею структуры общества от идеи целостности самого этого общества. На противоположном полюсе располагается представление о том, что социальная структура включает в себе лишь связи между основными группами в обществе — группами, имеющими высокую степень устойчивости. Сюда входят такие группы, как кланы, которые сохраняются на протяжении многих поколений, но при этом исключаются такие группы, как простая семья, которая исчезает вместе со сменой одного поколения другим. Это определение слишком узкое.

⁷ См., например: Russell B. *Human Knowledge*. London, 1948. P. 267.

Еще одно представление о социальной структуре подчеркивает не столько действительные отношения между лицами или группами, сколько ожидаемые или даже идеальные отношения. Согласно этому взгляду, тем, что реально придает обществу его форму и позволяет его членам осуществлять их деятельность, служат их ожидания или даже идеализированные представления о том, что будет делаться и что должно делаться другими его членами. Нет ни малейших сомнений, что для того, чтобы любое общество эффективно работало и обладало тем, что можно назвать связной структурой, его члены должны иметь некоторое представление о том, чего им следует ожидать. Без некоторого паттерна ожиданий и некоторой схемы представлений о том, по их мнению, другие люди должны делать, они были бы неспособны упорядочить свои жизни. Однако видеть социальную структуру лишь в наборах идеалов и ожиданий было бы слишком уж отвлеченно. Форма их реализаций, общие характеристики конкретных социальных отношений тоже должны быть включены в понятие структуры. Более того, представление о том, что социальная структура состоит только из идеальных образцов поведения, предполагает неявное допущение, что эти идеальные образцы имеют первостепенную значимость в социальной жизни и что действительное поведение индивидов — всего лишь отражение социально установленных стандартов. На мой взгляд, не менее важно учитывать и то, как эти социальные стандарты, идеальные образцы, наборы ожиданий обычным образом изменяются, узнаваемо или неощутимо, действиями индивидов в ответ на другие влияния, в том числе технологическое развитие.

Если не забывать о том, что идеалы и ожидания человека можно узнать только из некоторого аспекта его поведения (либо из того, что он говорит, либо из того, что он делает), и никак иначе, то различие между нормами действия и нормами ожидания в какой-то степени исчезает. Понятие социальной структуры есть аналитический инструмент, призванный помочь нам в понимании того, как люди ведут себя в своей социальной жизни. Суть этого понятия составляют те социальные отношения, которые представляются принципиально важными для поведения членов общества, так что если бы такие отношения не действовали, об обществе нельзя бы было сказать, что оно существует в данной форме. Когда экономический историк описывает социальную структуру сельской Англии XVIII века, его интересуют, например, связи разных классов людей с общей землей и друг с другом. Они имели

фундаментальное значение для общества того времени. Когда система общего владения землей уступила место системе частных владений, вызванные этим изменения повлияли на разные классы. Так, мелкий фермер и крестьянин эмигрировали в промышленный город или стали поденными рабочими. Отношения этого работника нового типа с работодателем и местными властями теперь, когда он был лишен земли и многих других прав, получив взамен мизерный доход, очень отличались от прежних. Социальная структура страны радикально изменилась, хотя идеалы многих людей остались во многом такими же, как раньше, и даже сохранились некоторые прежние ожидания.

В типах общества, изначально изучавшихся антропологами, социальная структура может включать в себя ключевые, или базисные, взаимоотношения, аналогичным образом вытекающие из классовой системы, основанной на связях с землей. Другие аспекты социальной структуры определяются членством в иных типах устойчивых групп, таких, как кланы, касты, возрастные ступени или секретные общества. Также базисные отношения определяются положением в системе родства, статусом относительно политической верхушки или распределением ритуального знания. Во многих обществах Африки и Океании важным структурным элементом является особое отношение между братом матери и ребенком сестры. На старшего возложены обязанности опекать младшего, делать ему или ей подарки, помогать в случае болезни или несчастья. Это взаимоотношение настолько важное, что если у кого-то не оказывается настоящего брата матери, ему предоставляется обществом его «заместитель». Это может быть сын покойного брата матери или какой-то еще более дальний родственник, который будет действовать в качестве представителя брата матери и, называясь тем же родственным термином, соответственно себя вести. Такое отношение, следовательно, является одним из ключевых элементов социальной структуры. Если вследствие внешнего влияния на общество роль брата матери становится все менее заметной, а соответствующие ей обязанности перестают выполняться, структура общества меняется. Различные социальные структуры противопоставляются друг другу в плане различий в таких основополагающих, или базисных, отношениях. Например, у некоторых малайцев, проживающих в матрилинейных сообществах Негри Сембилана, брат матери выполняет только что описанную роль. Однако у других малайцев, живущих в других районах Малайского полуострова, этот родственник лишен особого значения. С дру-

гой стороны, в соответствии с мусульманским законом, все малайцы придают большое значение так называемому *вали*. Это попечитель молодой женщины, выступающий в этой роли в некоторых правовых обстоятельствах, в том числе когда она выходит замуж. *Вали* представляет ее при заключении брачного договора и должен давать свое согласие на союз. Обычно этим попечителем является отец девушки. Однако если он умер, его место занимают дедушка, брат или другие ближайшие родственники девушки, в соответствии с правилами, изложенными в мусульманских правовых книгах. В некоторых обстоятельствах обязанности и полномочия попечителей заходят настолько далеко, что дают попечителю в восходящей мужской линии почетное право распоряжаться рукой девушки без ее согласия. Следовательно, отношение *вали* — важный элемент в структуре мусульманского общества. Таким образом, при сравнении различных малайских и мусульманских социальных структур выявляется такая полезная структурная черта, как различие между ролью брата матери и ролью *вали*.

Это обсуждение понятия социальной структуры немного приблизило нас к пониманию существа тех вопросов, которыми занимаются антропологи, когда пытаются постичь основания человеческих социальных отношений. Оно также помогает прояснить два других понятия — социальной функции и социальной организации, — не менее важных, чем понятие социальной структуры.

Каждое социальное действие можно мыслить как обладающее одной или более социальными функциями. Социальную функцию можно определить как связь между социальным действием и той системой, частью которой является это действие, или, иначе говоря, как результат социального действия с точки зрения схемы «средства-цели» всех тех, кого оно так или иначе затрагивает⁸. У Б.Малиновского идея функции разрослась в основную схему анализа социального и культурного материала. Основной акцент, содержащийся в этой схеме, оказал значительное влияние на современную социальную антропологию. В ней подчерки-

⁸ См.: Radcliffe-Brown A.R. On the Concept of Function in Social Science // American Anthropologist. 1935. Vol. 37. P. 394–402 (рус. пер.: Радклифф-Браун А. О понятии функции в социальных науках // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 1. С. 204–215); Malinowski B. A Scientific Theory of Culture. Chapel Hill, 1944. P. 53 (сокращенный рус. пер.: Малиновский Б. Научная теория культуры // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 1. С. 33–104). Содержательное рассмотрение этой общей темы дается Толкотом Парсонсом: Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe. Illinois, 1949, passim.

вается связь любого социального или культурного элемента с другими социальными или культурными элементами. Ни одно социальное действие, ни один элемент культуры не могут быть адекватно изучены или определены в обособленности. Их значение придается им функцией, которую они выполняют, то есть ролью, которую они играют в системе взаимодействия. При изучении более крупных единиц, более абстрактных наборов образцов поведения, известных как институты — таких, как система брака, тип семьи, тип церемониального обмена, система магии, — эта схема вычленяет различные взаимосвязанные компоненты. «Хартия» — это набор традиционно установленных ценностей и принципов, которые люди считают основой институтов; она может быть даже воплощена в мифе. Нормы — это правила, управляющие поведением людей; и их нужно отличать от самой деятельности, которая отклоняется от норм в ту сторону, куда поведут ее личные интересы индивида. Институт существует с помощью материального аппарата, природу которого следует понимать лишь с учетом применений, которые он находит, и личного состава, рассредоточенного по соответствующим социальным группам. И наконец, существует функция или множество функций, которым институт в целом соответствует. Под функцией, в этом смысле, Малиновский подразумевал удовлетворение потребностей, в том числе тех, которые развиваются человеком как членом конкретного общества, и тех, которые имеют более прямую биологическую подоплеку.

Это приписывание потребностей человеческому социальному поведению поднимает несколько сложных вопросов. Потребности довольно легко узнаются как те ближайшие цели, которые придают деятельности ее непосредственное направление и обычно намечаются самими участниками. Например, ближайшие цели пиршества явно включают такую, как потребление пищи, а это само по себе предполагает некоторые экономические и социальные последствия. Не так легко различить и разграничить конечные цели — цели, придающие базисное значение деятельности как части целостной конфигурации социальной жизни. Конечная цель пиршества — не утоление голода. Утолить голод можно было бы гораздо проще. Не является ли конечной целью некая форма общительности, удовольствие от пребывания в кругу людей и возбуждение от такой компании? Или ее нужно искать в системе обмена, в которой каждое отдельное пиршество является всего лишь одним элементом? Или следует искать ее в выражении статуса и повышении личной ценности, для которых пиршество предоставляет возможность? Или

имеет место некая форма мистического влечения, благодаря которой периодически нужны сборища для интеграции социального тела? Чем абстрактнее понятие потребностей, тем выше у ученого то, что можно было бы назвать его «личным преломлением», то есть обусловливание образа общества его собственным видением цели социальной жизни. В какой-то момент анализа и в самом деле становится трудно сделать что-то большее, нежели просто вывести человеческие потребности из изучаемого поведения: дескать, люди действуют социально таким-то и таким-то образом, а потому из этого связанного поведения мы заключаем, что здесь удовлетворяется какая-то социальная потребность. По этим и подобным им причинам многие современные социальные антропологи, почерпнув многое у Малиновского, все же сочли предпочтительным подходить к классификации типов социального действия путем изучения структурных аспектов поведения. Элементы, поддающиеся обособлению с точки зрения их формы, то есть преемственности их внутренних связей, классифицировать намного легче.

Любая попытка описать структуру общества должна воплощать в себе некоторые допущения относительно того, что является наиболее релевантным в социальных отношениях. В этих допущениях неявно или открыто должны использоваться какие-то понятия функционального характера, соотносящиеся с результатами или следствиями социального действия. А это предполагает также некоторое внимание к целям или направленности действий. Взять для примера хотя бы экзогамию, связанную со структурой линиджей. Правило экзогамии, требующее, чтобы член линиджа не вступал в брак ни с кем из членов того же самого линиджа, квалифицируется как одна из определяющих характеристик этой структурной единицы: оно помогает отграничить членов линиджа как единое целое от всех остальных. Однако чтобы это утверждение было верным, считается необходимым, чтобы запрет брака оказывал некоторое воздействие на действительные брачные установки, чтобы это воздействие было значительным и чтобы этот запрет оказывал позитивное воздействие на небрачное поведение. Перевод правила «запрещено жениться» в «укрепление связей внутри линиджа» может быть оправдан, но только после рассмотрения следствий. С этой точки зрения можно воспользоваться термином А. Н. Уайтхеда и сказать, что функция социального действия или отношения — это «принятие в расчет» действием или отношением всех других элементов той социальной системы, в которой они проявляются. Их ориентации, пусть в минималь-

ной степени, но определяются ее присутствием. Если она склонна к проявлению вариаций, то и они склонны варьировать в целостной сфере социальной деятельности.

В изучении социальной структуры, следовательно, нужно пойти дальше и исследовать, насколько формы основных социальных отношений способны к изменчивости. Необходимо исследовать как социальную преемственность, так и социальную адаптацию. Один только структурный анализ не позволяет дать интерпретацию социального изменения. Социальная таксономия могла бы стать такой же безжизненной, как и классификация видов в некоторых разделах биологии. Анализ организационного аспекта социального действия является необходимым дополнением к анализу структурного аспекта. Он помогает дать более динамичную трактовку.

Социальная организация обычно понималась как синоним социальной структуры. Мне кажется, настало время разделить эти понятия. Чем больше мы мыслим структуру общества в абстрактных терминах как групповые отношения или идеальные образцы, тем более необходимо мыслить отдельно социальную организацию в терминах конкретной деятельности. В целом суть организации состоит в том, что люди достигают чего-то путем спланированного действия. Это социальный процесс, упорядочение действия в такие последовательности, которые согласуются с выбранными социальными целями. Эти цели должны содержать некоторые элементы, имеющие общую значимость для круга лиц, вовлеченных в действие или ими затрагиваемых. Эта значимость не обязательно должна быть тождественной или даже подобной для всех; для некоторых из них она может быть и противоположной. Процессы социальной организации могут в какой-то мере состоять в разрешении таких противоположностей с помощью действия, позволяющего тому или другому из элементов выразиться до конца. Социальная организация предполагает некоторую степень единения, сведения разных элементов в одно отношение. Для этого могут использоваться наличные структурные принципы или приниматься альтернативные процедуры. Это предполагает осуществление выбора, принятие решений. И все это как таковое базируется на личных оценках, переводящих общие цели и ценности группы в понятия, значимые для индивида. Поскольку всякая организация включает в себе распределение ресурсов, это предполагает включение в схему ценностных суждений понятия эффективности. Отсюда представление об относительных вкладах, которые могут вне-

сти в достижение данных целей средства разного количества и качества. Область распределения ресурсов является областью, где преобладают экономические исследования. Но экономическая наука неизбежно ограничивалась прежде всего сферой отношений обмена, и особенно тех из них, которые измеримы в денежном выражении. В социальном поле, выходящем за рамки этой узкой сферы, процессы, происходящие из возможностей выбора и принятия решений, тоже очень важны.

Рассмотрим еще раз как пример социальной организации в крестьянском обществе институт *вали*. У народности аче на Суматре⁹, согласно шафиитскому праву, которого они в основном придерживаются, только агнат по восходящей мужской линии — отец или отец отца — имеет право выдать девушку замуж без ее согласия. Если она младшая из сестер, она неспособна высказать сколько нибудь весомое мнение. Поэтому в отсутствие такого попечителя девушка, если она еще не достигла совершеннолетия, строго говоря, не может выйти замуж. Однако аче обладают сильным предубеждением против того, чтобы девушка до наступления совершеннолетия не вышла замуж; они говорят, что это портит ее красоту. Итак, поскольку может быть много девушек, потерявших как отца, так и деда, обычай аче и шафиитский закон оказываются в оппозиции друг другу. Но дилемма легко решается. Выход находят в мусульманском праве обращаться к догматам другой школы права — в данном случае школы Ханафи. Эта школа позволяет любому *вали* выдать несовершеннолетнюю подопечную замуж без ее согласия. К тому же она еще шире набрасывает сеть попечительства и позволяет родственнику по материнской линии быть выбранным в качестве *вали*, если все родственники с отцовской стороны уже умерли. С другой стороны, эта школа позволяет женщине воспользоваться позднее правом свободного выбора. Когда она достигает совершеннолетия, она, если ее выдали замуж таким образом, при желании может потребовать развода со своим мужем. Главное здесь то, что структура отношения *вали* — очень важного для конституции мусульманского брака и семьи у аче, как и во всяком мусульманском обществе, — предлагает множество разных вариантов действия. Родственники девушки, еще не достигшей совершеннолетия и потерявшей отца и деда, должны решить, как организовать ее замужество. Какой процедуры следует придерживаться при назначении ее попечителя, шафиитской или ханафиитской? Если последней,

⁹ См.: Hurgronje C.S. The Achehese. Leyden and London, 1906. Vol. 1. P. 330–346.

то следует ли им попытаться выдать ее замуж или нет? В принятие таких решений может входить множество элементов, в том числе ранг девушки и финансовые соображения. Отношение *вали*, таким образом, не является само по себе постоянным и просто определяемым морфологическим элементом общества аче; оно поддерживается и обретает свою окончательную форму благодаря организационным решениям, разрешающим бесформенные ситуации.

Этот пример привлекает внимание к еще одному элементу социальной организации. Имеется в виду признание временного фактора в упорядочении социальных отношений. Существует представление, что время предопределяет последовательность, или последовательный порядок, размещения элементов в направлении требуемой цели. Назначение попечителя не совершается само по себе; родственники должны встретиться, все обсудить, прийти к согласию, проконсультироваться у религиозных властей и вообще организовать сложную последовательность действий, пожертвовав в какой-то степени своей энергией. Важным аспектом организации являются планирование последовательности и наложение ограничений на альтернативные маршруты действия. Есть и другое представление о времени, согласно которому оно устанавливает пределы для деятельности через процессы человеческого обмена веществ. В приведенном примере развитие девушки народности аче гарантирует, что в какой-то момент она получит право принять собственное решение касательно брака и тем самым изменить форму организации. Понятие социальной организации привлекает также внимание к количественным величинам. Так, в нашем примере в качестве оснований для различных типов социального действия фигурируют размеры богатства, ранг людей, число родственников и другие количества.

Организация требует элементов представительства и ответственности. Во многих сферах для достижения целей группы необходимо *представление* ее интересов отдельными членами. Решения, претендующие на статус групповых решений, фактически должны быть индивидуальными решениями. Но тогда должен быть какой-то механизм, явный или неявный, посредством которого группа передавала бы индивидуам право принимать решения от лица целого. В этом делегировании кроется одна проблема — проблема примирения, возможно, противостоящих интересов подгрупп, поскольку индивид, которого выбирают представителем, при обычных обстоятельствах неизбежно должен быть членом какой-то подгруппы. Существует, стало быть, опасность, что

вместо того, чтобы отстаивать широкие интересы целого, он будет в первую очередь защищать своими действиями интересы того отдельного группового элемента, к которому он принадлежит. Под *ответственностью* имеется в виду способность смотреть на ситуацию с точки зрения интересов самой широкой затрагиваемой группы, принимать решения, совместимые с этими интересами, и готовность нести ответственность за результаты этих решений. В этой связи возможен конфликт на каждом уровне группового единства. Человек принадлежит к простой семье, к более широкой родственной группе, к локальной единице, и все они могут быть всего лишь некоторыми из многочисленных компонентов более крупного социального единства, которое он представляет. Чтобы он принял на себя действительную ответственность, а другие члены этих подгрупп согласились поручить ему представлять их интересы, должна иметь место попытка проекции со стороны всех, кого это затрагивает, то есть формирование у них представления о растворении их непосредственных интересов в менее ощутимых интересах. Чем уже эта проекция, тем уже социальная организация.

Это видно, например, в истории коммерческого управления на Востоке. Функция быть «агентством занятости» для своих родственников традиционно считалась одной из первейших обязанностей мужчины, добивавшегося места во власти. Это все более препятствовало эффективности в таких странах Востока, как Китай, где достигли высокого уровня индустриализация и современная торговая жизнь. Относительно промышленности в Китае говорят, что проблема эффективного персонала стала там настолько же важной, как и проблема механизации. Проблема связи кумовства с эффективностью работы приобрела основополагающее значение. Что касается крупного бизнеса, то, по-видимому, имелось общее согласие, что кумовство означает лучшие рабочие места, но худшее выполнение работы. В случае мелкого лавочника наем родственников оправдывался тем, что хотя зачастую работают они неважно, зато привязаны к семье, более достойны доверия и не крадут¹⁰. Тип установки, заставляющий мужчин соблюдать интересы малой группы, принимая на работу родственников независимо от их эффективности, имеет тенденцию приносить в традиционной форме общества другие виды удовлетворений. Таким образом, это диффузный механизм обеспечения социальной поддержки за счет общественных ресурсов,

¹⁰ См.: Lang O. Chinese Family and Society. New Haven and London, 1946. P. 181 и далее.

но такой, что затронутые им лица не сталкиваются с барьером общественного осуждения. Похоже, в коммунистическом Китае осознали все эти следствия семейной системы. Результатом стали реорганизация и перенесение акцента на внесемейные группировки, в которых подчеркиваются более широкие типы ответственности и освобождается дорога для экономической эффективности.

Понятие социальной организации важно и для понимания социального изменения. Есть структурные элементы, проходящие сквозной нитью через все социальное поведение, и из них складывается то, что метафорически называют социальной анатомией, или формой общества. Но что собой представляет эта форма? Реально она образуется устойчивостью или повторяемостью поведения; это элемент преемственности в социальной жизни. Социальный антрополог все время сталкивается с, казалось бы, неразрешимой дилеммой: как объяснить и эту преемственность, и в то же время социальное изменение? Преемственность выражается в социальной структуре, то есть в наборах отношений, определяющих прочность ожиданий, или узаконение прошлого опыта в терминах аналогичного опыта в будущем. Члены общества ищут надежного руководства к действию, и структура общества дает такое руководство — через систему семьи и родства, классовые отношения, распределение родов занятий. В то же время должно оставаться место для изменчивости и для объяснения изменчивости.

Оно-то и обнаруживается в социальной организации, в систематическом упорядочении социальных отношений актами выбора и принятия решения. Вот где место для отклонения от того, что происходило в прошлом в как будто бы похожих обстоятельствах. Здесь в изучаемые нами реалии вторгается время. Ситуация до осуществления выбора отличается от ситуации, которая возникает после него. Открытая проблема с элементами как потенциалами, ведущими в разных направлениях, становится теперь решенным делом, и эти потенциалы получают особую ориентацию. Время входит так же как фактор в развертывание следствий принятия решения и последующего действия. Структурные формы устанавливают прецедент и накладывают ограничение на спектр возможных альтернатив; рамки, в которых осуществим внешне свободный выбор, обычно очень узки. Но именно возможность альтернативы обуславливает изменчивость. Человек выбирает, сознательно или неосознанно, каким курсом он последует. И его решение будет оказывать влияние на будущее структурное сочленение. В аспекте социальной струк-

туры обнаруживается принцип преемственности общества; в аспекте организации обнаруживается принцип его изменчивости, или изменения, — благодаря допущению оценки ситуации и включению в нее индивидуального выбора.

После этого абстрактного рассмотрения общего каркаса идей для нашего анализа мы можем увидеть, как некоторые из указанных операций работают на практике в сообществе того типа, который обычно изучают антропологи.

Перевод В.Г.Николаева

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ

А.А.ИЦХОКИН

КУЛЬМИНАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ЛЖИ

Журнал «Личность. Культура. Общество» публикует фрагмент из новой книги Александра Ицхокина.

Читателю предлагается яркая и полемичная работа автора, известного своими концептуальными построениями. Перед нами теоретическое разоблачение внутренних механизмов западной мысли, скрывающей за рационализмом и последовательностью бессмысленность повседневности и политической практики.

Пролог. Невероятная Реальность Конца Истории

Боюсь, первым же своим тезисом эта книга оттолкнет кое-кого из своих потенциальных читателей. Что ж, «тем хуже», как говорят в таких случаях французы, выражая, однако, настроение куда менее определенное, более философское, чем можно подумать, судя по буквальному прочтению сказанного. Думаю, все-таки для большинства, кого мой этот тезис покоробит, причиной будет не он сам, а, наоборот, мой тон: будто я что-то «открываю», в то время как на самом деле ломлюсь в открытую дверь.

Итак, я утверждаю, что на уровне непосредственного человеческого восприятия операция НАТО в Югославии повергла в шок всех, кто в этой всеобщей говорильне сохранил хотя бы минимальную способность на впечатления, адекватные смыслу — или бессмыслице — происходящего.

Есть здесь, конечно, и прямой отзвук беды, свалившейся на ближнего, но сомневаюсь, что это главное. Вряд ли мы так уж чувствительны к беде «ближнего», который в действительности настолько далек, что представляется скорее абстракцией (типа «братский народ»), чем живым существом, связанным с нами эмоциональными токами «симпатии», «эмпатии» и т.п. И не в том тоже главная причина, что наруша-

Ицхокин Александр Абрамович — научный консультант.